

Владимир Кожевников

Большая игра (1977–1978)

Владимир Кожевников

Большая игра (1977–1978)

<https://litres.ru/74350544>

SelfPub; 2026

Аннотация

Москва, 1977 год. Инженер из будущего Дмитрий Соколов получает шанс представить свой проект на ВДНХ и встретиться с членом Политбюро. Успех открывает двери в элиту, но старый враг Баранов наносит удар — через любимую женщину героя. Чтобы вытащить её и спасти дело, Дмитрий использует все связи, от детектива до покровителя из ГКНТ. Командировка в Ленинград знакомит с профессором Крыловым, предлагающим уникальную стажировку. Поездка в Лейпциг ставит перед выбором: остаться на Западе или вернуться. Возвращение оборачивается обвинением в шпионаже со стороны КГБ. Когда петля затягивается, письмо из Ленинграда открывает единственный путь к спасению — но ценой разлуки с самым близким человеком. Третья книга цикла «Перенос» - о цене успеха в системе, не терпящей самостоятельности, и выборе между безопасностью и предназначением.

Содержание

Глава 1. ВДНХ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Владимир Кожевников

Большая игра (1977–1978)

Глава 1. ВДНХ

Май 1977 года выдался в Москве на редкость тёплым — таким, когда сирень распускалась прямо на глазах, заполняя дворы густым, приторным ароматом, смешанным с запахом пыли и бензина. Дмитрий Соколов стоял у окна своего кабинета в НИИ «Геофизика» и смотрел, как во дворе играют дети, как женщины выбивают ковры, как мужчина в майке чинит велосипед. Всё это было обыденным, привычным, почти родным — и в то же время чужим, как декорация к фильму, в котором он оказался главным героем.

За два с лишним года он прижился в этом городе, сросся с этим временем, врос в эту жизнь. Но привычка не убирала тоску — она лишь притупляла её, как старый нож, которым уже не режешь, но который всё ещё помнишь. Он часто ловил себя на том, что автоматически ищет в кармане смартфон, чтобы проверить время или новости, и каждый раз натывался на пустоту. Телефонов-автоматов на улицах было достаточно, но они требовали монет и терпения, а интернета не существовало в принципе. Иногда он ловил себя на мысли, что за эти годы так и не привык к тишине — к той

густой, вязкой тишине, которая наступала вечером, когда не было ни уведомлений, ни сообщений, ни бесконечного шума информационного потока.

За спиной раздался стук в дверь — три коротких, два длинных, условный сигнал, который они с Серёжей придумали ещё во время первой проверки. Серёжа Королёв просунул голову в щель, улыбнулся. За прошедший год он раздался в плечах, стал увереннее, но в глазах всё ещё читалась та же настороженность, что и в день их первой встречи. Он носил те же очки в металлической оправе, тот же вечно мятый пиджак, но теперь у него была новая причёска — аккуратная, с пробором, как у партийных работников. Дмитрий заметил это и усмехнулся про себя: Серёжа явно старался выглядеть солиднее.

— Дима, тебя Мартынов вызывает. Говорит, срочно.

— Что-то случилось? — Дмитрий отложил папку с расчётами, которые перепроверял уже третий раз.

— Не знаю. Но вид у него был серьёзный. Даже бледный какой-то.

Дмитрий кивнул, поправил галстук, который так и не научился завязывать идеально — всегда чуть криво, как у человека, привыкшего к джинсам и футболкам. Он прошёл по длинному коридору, где пахло озоном и машинным маслом, исходившими от старых вычислительных машин. На стенах висели портреты Ленина и Брежнева, социалистические обязательства, доска почёта с фотографиями ударников. Всё это

уже стало привычным, почти родным — он знал, где висит каждый плакат, где скрипит половица, где лучше не останавливаться, чтобы не привлекать внимания дежурного вахтёра.

Мартынов сидел в своём кабинете, заваленном бумагами и папками. За прошедшие два года он постарел — седина стала гуще, под глазами залегли тени, а пальцы, когда он перебирал бумаги, чуть заметно дрожали. Но взгляд оставался острым, цепким — тот самый взгляд человека, который прошёл войну и знал цену каждому слову.

— Садись, Соколов. Разговор есть.

Дмитрий сел. Мартынов помолчал, потом достал из сейфа толстую папку, перевязанную бечёвкой, и положил на стол.

— Твоё предложение по обработке сейсмических данных заметили наверху. В ГКНТ. Лавров передал, что тебя включили в состав делегации на выставку достижений народного хозяйства. Будешь представлять наши разработки в павильоне «Наука». — Он сделал паузу, снял очки, протёр их платком. — Это не просто почётная миссия, Соколов. Это шанс показать себя на уровне, где решаются судьбы целых направлений. Ты понимаешь, о чём я говорю?

Дмитрий внутренне напрягся. ВДНХ — это не просто выставка. Это место, где можно было заявить о себе и продвигнуться, но и где можно было привлечь слишком много внимания. Он уже знал, что любая публичность в СССР — это риск. Особенно для человека с его биографией, пусть даже фальшивой, но тщательно продуманной.

— Когда?

— Через три недели. Будешь работать с группой из твоего института и ещё нескольких НИИ. Покажешь алгоритм, объяснишь перспективы. Это шанс, который выпадает раз в жизни. — Мартынов замолчал, глядя на него поверх очков. — Но я должен тебя предупредить: это не только почёт. Это экзаме́н. И за тобой будут смотреть не только специалисты, но и те, кто решает, кому давать зелёный свет, а кому — красный.

— Понимаю.

— Есть ещё кое-что, — Мартынов понизил голос почти до шёпота. — На выставке будут иностранцы. Из Франции, из Японии, из США. Технические делегации. Ты должен быть осторожен. Не болтай лишнего, не давай интервью без согласования с отделом пропаганды. И запомни: за тобой будут наблюдать. Не только наши, но и их. Ты — лицо советской науки. Не подведи.

Дмитрий усмехнулся про себя. Наблюдать — это уже стало привычкой. За два года он научился замечать слежку, различать типы машин, запоминать лица. Он знал, что за ним ходили не только сотрудники КГБ, но и люди Баранова, и, возможно, кто-то ещё. Он привык к этому как к фоновому шуму, но каждый раз, когда он выходил из дома, его сканировали взглядом из припаркованной «Волги», и каждый раз он внутренне сжимался.

Вечером он рассказал Ирине. Они сидели на кухне у неё,

пили чай с мятой, слушали, как за стеной возится Алёша. Ирина за год стала для него почти семьёй — он не мог представить свою жизнь без неё, хотя и знал, что это неправильно, что её муж, Владимир, находился в очередной командировке и должен был вернуться только через две недели. Но пока они жили этим моментом, этим временем, украденным у судьбы.

— Ты боишься? — спросила она, глядя на него поверх чашки. Её глаза были тёплыми, внимательными, с той лёгкой тревогой, которая появлялась всякий раз, когда речь заходила о его делах.

— Нет. Но насторожен. — Он поставил чашку, провёл рукой по волосам. — Слишком многое зависит от этого выступления. Если я провалюсь, проект могут закрыть. А если преуспею — привлеку ещё больше внимания. И не только хорошего.

— Это правильно — быть настороженным, — сказала она, и он поймал себя на мысли, что в её устах это слово звучит естественно, по-старомодному уютно. — Но ты справишься. Ты всегда справлялся.

— Я хочу, чтобы ты поехала со мной.

— На ВДНХ? — она удивилась. — Зачем?

— Чтобы ты видела, что я делаю. Чтобы поняла, почему я не могу остановиться. И чтобы просто была рядом. — Он взял её руку, сжал пальцы. — Мне будет легче, если ты будешь там.

Она улыбнулась, но в улыбке промелькнула грусть — та самая, которая появлялась, когда она думала о муже, о том, что их отношения — это тайна, которую нельзя выносить на свет.

— Хорошо. Я поговорю с главврачом, возьму отгул. Но, Дима... — она помедлила, — будь осторожен. Я не хочу, чтобы ты пострадал.

На следующий день Дмитрий начал подготовку. Он перечитывал свои записи, делал новые расчёты, готовил презентацию. Серёжа помогал — перепечатывал тексты, проверял цифры, спорил о формулировках. Они работали допоздна, засиживаясь в вычислительном центре до полуночи. Однажды, уже под утро, когда в окна бил серый рассвет, Дмитрий поймал себя на том, что смотрит на старые перфокарты, сложенные в стопки, и думает о том, как далеко он ушёл от того дня, когда очнулся на кушетке в милицейском участке.

— Ты чего задумался? — спросил Серёжа, отрываясь от машинки.

— Да так. Вспомнил, с чего начинал.

— Слушай, Дима, — Серёжа отложил бумаги, посмотрел на него серьёзно. — Я хотел тебе сказать. В последние дни я заметил, что за нами следят. Не просто так, а целенаправленно. Вчера, когда я выходил из института, у проходной стоял мужчина в сером плаще. Он не смотрел на меня, но я видел, как он записывал что-то в блокнот, когда я проходил. Сегодня утром он был снова.

Дмитрий нахмурился. Он тоже заметил новые лица у входа, но старался не придавать значения.

— Может, это обычная проверка. КГБ время от времени проверяет всех, кто работает с секретными данными.

— Может, — Серёжа пожал плечами, — но я бы на твоём месте был осторожнее. Баранов не успокоился.

Через неделю Дмитрию позвонил Лавров. Голос был деловым, но в нём слышалась напряжённость.

— Соколов, слушай внимательно. На выставке будет присутствовать член Политбюро. Ему поручено курировать вопросы научно-технического прогресса в идеологическом отделе ЦК. Он заинтересован в развитии вычислительной техники — как инструменте для укрепления позиций социализма. Твоя задача — произвести на него впечатление. Не переигрывай, но и не скромничай. Ты должен показать, что советская наука не уступает западной.

— Кто именно?

— Пётр Нилович Демичев. Не задавай лишних вопросов, просто работай.

Дмитрий положил трубку. Демичев — секретарь ЦК по идеологии, член Политбюро. Не Косыгин, не Кириленко. Идеолог. Человек, который отвечал за пропаганду и культуру. Его интерес к вычислительной технике мог быть вызван не столько техническим любопытством, сколько желанием показать миру, что СССР идёт в ногу с прогрессом. Это был прагматичный, расчётливый интерес. И это давало Дмитрию

шанс, но и создавало риск: если Демичев увидит в нём угрозу или неудобство, он может просто уничтожить проект одним словом.

Дмитрий перечитал все свои записи, проверил каждую цифру. Он знал, что любая ошибка может стать фатальной. Он вспомнил, как в своём времени читал о судьбах учёных, которые слишком быстро вырывались вперёд, — одних возносили, других ломали. Он не знал, к какой категории отнесёт его Демичев, но был готов рискнуть.

В день открытия выставки Дмитрий пришёл за час до начала. Павильон «Наука» был огромным — стекло, бетон, бронза. Внутри — стенды, макеты, плакаты. Его место было в центральной части, рядом с макетом спутника и стендом, посвящённым ЭВМ. Он разложил свои материалы — схемы, графики, таблицы. Всё было аккуратно, педантично, до последней запятой. Он чувствовал, как внутри всё дрожит, но на лице старался держать спокойствие.

Ирина пришла к десяти, как обещала. Она была в светлом платье, с лёгким шарфом на плечах. Дмитрий заметил её в толпе, и на мгновение напряжение отпустило. Она подошла, улыбнулась, но не стала обнимать — слишком много людей вокруг.

— Удачи, — сказала она одними губами.

Посетители начали подходить. Сначала школьники, потом студенты, потом инженеры. Дмитрий объяснял, показывал, отвечал на вопросы. Всё шло гладко. К обеду он устал,

голос начал сипнуть, но он держался. Он пил воду из стакана, который ему принесла Ирина, и чувствовал, как постепенно приходит уверенность.

Около трёх часов к его стенду подошла группа мужчин в дорогих костюмах. Впереди шёл невысокий, плотный человек с седыми висками и орденскими планками на лацкане. Дмитрий узнал его мгновенно — это был Пётр Демичев. Рядом стоял Лавров, который слегка кивнул Дмитрию, и ещё несколько чиновников, которых Дмитрий видел впервые.

— Товарищ Соколов? — спросил Демичев, разглядывая его с лёгким любопытством. — Мне о вас говорили. Расскажите о вашей работе.

Дмитрий начал объяснять. Он говорил чётко, без лишних слов, но с энтузиазмом, который чувствовал внутри. Он показывал схемы, приводил цифры, сравнивал с зарубежными аналогами. Он говорил о том, как его алгоритм сокращает время обработки данных, как может быть применён не только в геофизике, но и в других областях — в метеорологии, в сейсмологии, даже в военном деле. Он видел, как Демичев слушает, как иногда кивает, как его глаза становятся внимательнее.

Демичев задал несколько уточняющих вопросов — о точности, о надёжности, о возможности масштабирования. Дмитрий отвечал быстро, уверенно, чувствуя, что он на правильном пути.

— Вы умеете убеждать, — сказал Демичев наконец, и в

его голосе слышалась нотка одобрения. — Это редкий дар для инженера. Что вы хотите делать дальше?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.